

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГУСЕЙНОВА Кёнуль Эльман гызы,
*PhD, доцент кафедры уголовного процесса
Бакинского Государственного Университета*

АЛИЕВА Багдаюль Сияфар гызы,
*магистрант юридического факультета
Бакинского Государственного Университета*

Господствующим является взгляд, согласно которому обвинение дает первоначальный импульс для возникновения и развития всех других уголовно-процессуальных функций, что именно обвинение служит пусковым механизмом уголовно-процессуальной деятельности. Обвинение, например, называли «движущей силой советского уголовного процесса», «пружиной, действие которой обуславливает развитие процесса, движение уголовного дела по ступеням», «двигателем уголовного процесса» [4, с. 29].

Таким образом, большинство авторов функцию обвинения понимают как категорию, предопределяющую весь ход уголовного процесса. Функция обвинения указанными авторами расценивается первостепенной, и только осуществление функции обвинения предопределяет возникновение функции защиты и функции разрешения дела. «Обвинение – обязательный момент правосудия по уголовным делам. Без него не возникают не только функции защиты, но и правосудия» [5, с. 194].

Осуществление уголовно-процессуальной функции обвинения (уголовного преследования) возлагается на сторону обвинения, которая согласно ст. 7.0.21. УПК АР представлена следующими участниками: прокурор, следователь, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец. Отнесение указанных участников к стороне обвинения предполагает наделение их полномочиями в рамках, определенных функцией обвинения. Иначе говоря, любой из этих участников согласно закона вправе осуществлять деятельность, тем или иным образом направленную на обвинение.

Согласно ст. 7.0.20 УПК Азербайджанской Республики, обвинение – настояние в порядке, установленном настоящим кодексом, на том, что лицо совершило конкретное деяние, предусмотренное уголовным законом. Обвинительная деятельность в уголовном процессе появляется с началом изобличительной и обвинительной деятельности в отношении какого-либо лица [1, с. 16].

Прежде чем в законе нашло свое закрепление это положение, между теоретиками долгое время шли дискуссии о роли каждого из перечисленных участников и выполняемых ими функциях. Причем этих участников чаще всего делили на три группы: 1. Органы государственной власти и их должностные лица (прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, орган дознания); 2. Потерпевший и частный обвинитель; 3. Гражданский истец. Теперь законодатель объединил указанных участников в одну группу и наделил их полномочиями, однородными по своей сути.

Наиболее дискуссионным был вопрос о роли дознавателя, следователя и прокурора.

Одна группа ученых считала, что дознаватель, следователь, прокурор в досудебных стадиях осуществляют исключительно функцию обвинения. Однако осуществление дознавателем, следователем, прокурором только функции обвинения противоречило указанию закона на обязательность полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств дела. Именно эти рассуждения лежали в основе мнений о невозможности осуществления дознавателем, следователем и прокурором только функции обвинения.

Некоторые ученые в связи с этим утверждали, что в стадии предварительного расследования указанные должностные лица осуществляют как функцию обвинения, так и функцию защиты. Другие говорили о соединении в руках следователя полномочий по осуществлению всех трех процессуальных функций. Однако соединение в руках одного лица полномочий по осуществлению нескольких процессуальных функций еще более грубое нарушение, поскольку противоречит принципу состязательности, на что справедливо обращено внимание [2, с. 44].

Такую деятельность следователя (дознавателя, прокурора) М.С. Строгович именвал защитой в широком смысле, подразумевая под ней не функцию защиты, а защиту прав человека вообще [4, с. 99-100]. Однако смешение в рамках одной модели уголовного процесса функции защиты и защиты как цели деятельности государственных органов (пусть даже в самом широком смысле этого слова) приводит, на наш взгляд, к неоправданному запутыванию понятийного аппарата. Поэтому нам представляется более целесообразным обозначить подобную деятельность государственных органов не как защиту, а как охрану прав и свобод человека и гражданина, на что обращалось внимание А.П. Гуськовой [3, с. 11-12]. Эта идея прямо подтверждается положениями статьи 12 УПК АР.

Возложение на дознавателя, следователя, прокурора обязанности по охране прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, не расходится с положениями принципа состязательности. Данная обязанность возлагается на должностных лиц независимо от наличия уголовно-процессуального правоотношения. То есть в любом правоотношении, в котором должностное лицо представляет государство, на него законом возлагается обязанность по охране и обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина. Это есть всеобщая правоохранительная обязанность органов государственной власти и их должностных лиц.

Кроме того, можно сказать, что деятельность государственных органов, осуществляющих производство по делу в досудебных стадиях, своей целью должна иметь нечто большее, чем простое изобличение и обвинение лица, совершившего преступление. Деятельность указанных органов должна быть направлена на восстановление социальной справедливости.

Обвинение не может существовать ради самого себя. Как только обвинение из средства восстановления социальной справедливости превращается в обвинение ради обвинения, сразу открывается возможность для массовых нарушений прав человека, допускаемых должностными лицами. Обвинение должно быть справедливым. При этом, скорее всего, нельзя говорить, что быть справедливым – удел одного лишь суда. Быть справедливым – это прямая обязанность любого должностного лица. Именно поэтому, на наш взгляд, должностное лицо должно обладать правом на решение вопроса о том, является ли справедливым возбуждение в отношении конкретного лица

уголовного дела, либо такое действие повлечет за собой возникновение еще более несправедливой, с социальной точки зрения, ситуации. По сути, речь идет о тех случаях, когда уголовное преследование лица, совершившего преступление, становится в глазах общества несправедливым. Положения статьи 40 УПК АР предусматривают схожую процедуру, поскольку говорят о возможности прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки. На практике же эта норма применяется достаточно редко. Это позволяет нам сделать вывод, что должностные лица органов предварительного расследования идею справедливости уголовного преследования понимают исключительно как справедливость приемов и способов его осуществления, но не как справедливость самого факта его осуществления в отношении конкретного лица. Точно так же справедливость наказания понимается как справедливость его размера и вида, но не как справедливость самого его назначения.

Список использованных источников:

1. Аббасова Ф.М. Уголовный процесс (общая часть). На азербайджанском языке. Баку, 2015. 410 с.
2. Васильев Л.М. К вопросу о функциях следователя в уголовном процессе. *Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики: Материалы всероссийской научно-практической конференции*. Отв. ред. В.Д. Перевалов. Екатеринбург: УрГЮА. 1999. С. 44.
3. Гуськова А.П. Актуальные вопросы защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. *Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве*. Сборник научных трудов. Москва – Оренбург, 1999. 197 с.
4. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе Москва, 1951. 149 с.
5. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. 411 с.

СУДОВО-ЛІНГВІСТИЧНА ЕКСПЕРТИЗА УСНОГО МОВЛЕННЯ: ПРАКТИЧНИЙ АСПЕКТ

КОВІНЬКО Наталія Миколаївна,
*студентка Національного юридичного
університету ім. Я. Мудрого*

Слово, сказане або написано за певних обставин, стає дією, яка передбачає юридичні наслідки [1, с. 8-15]. У мовленні відбиваються ознаки й індивідуальні особливості людини. Унікальність, неповторність, відносна сталість цих ознак, можливість їх виявлення й дослідження дає змогу вирішувати низку ідентифікаційних завдань. Саме тому дослідження усного мовлення під час здійснення кримінального провадження має велике практичне значення. Зазвичай необхідність у таких дослідженнях виникає у зв'язку з потребою розшуку конкретної особи або зменшення кола осіб, серед яких